

Индекс УДК 821.161.1.0

Код ГРНТИ 17.07.41

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-25-35

И.А. ЕСАУЛОВ*

Анализ, интерпретации и понимание как методологические установки в изучении наследия Ф.М. Достоевского

В статье представлены главные концептуальные положения, выработанные в результате работы по проекту РФФИ, направленному на методологическое разграничение анализа, интерпретаций и понимания с целью преодоления того эклектического хаоса, который десятилетиями сопровождает имя Ф.М. Достоевского. Многоголосица «прочтений» произведений писателя, накопившаяся за более чем полтора столетия, рассмотрение их в различных контекстах (от философских и эстетических до социологических и политических), а также и в целом осмысление его наследия до сих пор не соотносились с тремя исследовательскими актами (установками), различия между которыми с полной методологической отчётливостью выявились в мировой гуманитарной мысли уже в конце XIX – начале XX в. Анализ, интерпретации, понимание являются абсолютно необходимыми познавательными актами, без которых любое адекватное изучение Достоевского представляется невозможным. Однако это принципиально различные установки, актуализирующие различные векторы исследовательского внимания, что практически совершенно не учитывается в современной исследовательской литературе, посвящённой Достоевскому. Используя предлагаемое разграничение методологических установок, оказывается возможным в значительной степени преодолеть существующее в достоеведении зияние между концептуальными подходами и конкретными исследованиями его творчества, в которых изучаются частные проблемы, возникающие вокруг наследия Достоевского.

Ключевые слова: анализ, интерпретация, понимание, Достоевский, методологические установки, редукция, идеологические тенденции, аксиология

Вследствие засилья мозаичной эклектики и терминологической разноголосицы в современной филологии с особой остротой встают методологические проблемы. В нашей стране ситуация усугубляется разрушением

десятилетиями навязываемой сверху «марксистско-ленинской эстетики», когда освободившееся от обязательной «идеологии» место было одновременно заполнено десятками никак в наших условиях не апробируемых ранее

* **Есаулов Иван Андреевич** — доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького, руководитель проекта «Анализ, интерпретации и понимание как методологические установки в изучении наследия Достоевского» (18-012-90043). E-mail: jesaulov@yandex.ru

разнообразных гуманитарных «практик»: вместо двигающей науку вперёд здоровой и состязательной борьбы «направлений» мы видим, скорее, конгломерат не приводимых ни к какому единому знаменателю «подходов». Во многом сложившееся положение объясняется также и значительным разрывом между общими теоретико-методологическими и конкретными **эмпирически интерпретационными** исследованиями. Порядок в хаотичное разнообразие «прочтений» произведений классики, её рассмотрение в различных контекстах (от философских и эстетических до социологических и политических) может внести соотношение исследования с тремя познавательными актами (установками), различия между которыми с полной методологической отчётливостью выявились в мировой гуманитарной мысли уже в конце XIX – начале XX в.: анализом, интерпретациями и пониманием.

Концептуальное разграничение понятий

Формулируя весьма сжато и кратко, *анализ* предполагает изучение *текста* (при этом термин «текст» употребляется нами не в том расширительном смысле, как он используется, скажем, в рамках французского структуралистско-постструктуралистского направления, а в духе отечественной традиции, как она представлена, например, Ю.М. Лотманом: как константное образование, характеризующееся выраженностью, ограниченностью и структурностью [1]¹). В *интерпретациях* же репрезентируются те или иные истолкования художественного *мира* (который далеко не сводится к тексту, это другой уровень произведения) [3], а *понимание* невозможно без постулата личностной «встречи» автора, стоящего как за текстом, так

и за художественным миром, и читателя/исследователя [4, с. 7–36]. «Дух» автора-демиурга, чтобы «воскреснуть» в сознании читателя-реципиента, должен вначале воплотиться посредством растворения в индивидуально-неповторимом «теле» текста. Литературное произведение, созданное автором, уже не зависит от его создателя, затвердев в тексте, но явлением культуры оно становится только благодаря контакту с читателем.

В первом случае доминирует установка на «адекватность» и общенаучную «воспроизводимость результата», во втором – признание «спектра» самых разных прочтений-интерпретаций не как «исключения», а как нормы литературоведения, в третьем же предполагается личностная встреча, которая может происходить при определённых условиях в особой рецептивной зоне, которую предлагается называть «спектром адекватности» [5; 6, с. 577–582].

При этом приходится считаться с тем, что в современной гуманитарной науке доминируют – пока что – две первые (более укоренённые и в истории филологии) установки. Первая предполагает, что гуманитарная наука, так сказать, только лишь часть науки как таковой (или же должна стремиться к этому), для которой характерны воспроизводимость результата, отделение и резкое противопоставление субъекта и объекта, вычленение закономерностей. Вторая установка базируется на признании специфики именно гуманитарных наук, их «инонаучности», по выражению С.С. Аверинцева. В самом общем виде эти две тенденции в мировом гуманитарном поле XX в. так или иначе вытекают из структурно-семиотической установки (даже когда затем «постструктуралисты» подобные интенции пытаются деконструктивистски обнулить) и из

¹ В другой книге Ю.М. Лотмана уже в самом её названии наглядно-показательно соединены *текст* и его *анализ* [2].

установки герменевтической, соответственно.

В первом случае неизбежны попытки выстроить — в конечном итоге — нечто, напоминающее метанауку со своим безоценочным и общим инструментарием, однозначной терминологией: это и было сциентистской утопией тартуско-московской семиотической школы (тогда как задача гуманитарной науки — выработать этот метаязык). Такой подход предполагает, что каждый может повторить по выработанному и формализуемому алгоритму тот или иной опыт поиска чего угодно (на своём материале) и получить такой же *аналитический* результат. Иначе говоря, научный результат зависит не столько от исследователя, сколько от корректности инструментария и выстраивания алгоритма исследовательской процедуры (нужно признать, что в сфере образования в нашей стране — конечно, в адаптированном и вульгаризированном виде — внедрялся именно этот подход).

Второе же направление, которое связано с герменевтикой в самом широком смысле, настаивает на специфике гуманитарных наук, на наличии у них собственных особенностей, своей «инонаучной» терминологии, своих собственных подходов.

Третья установка в нашем литературоведении связана с именем М.М. Бахтина и исходит из того, что за предстоящим исследователю гуманитарным предметом (в нашем случае — изучаемым им текстом) всегда мерцает какое-то *другое* сознание *другого*, отличного от меня самого, человека. Это сознание до конца никогда не может быть «проанализировано», даже и с помощью самых точных аналитических механизмов, а этот *другой* никогда не может быть вполне «объяснён». Монологическая «интерпретация» также не способна вполне ухватить его *другость*, которая приоткрывается (но только приоткрывается, а не распаивается вся сплошь!) лишь в «диалоге согласия».

Анализ произведений русской литературы невозможен без реально-исторических, а также текстологических комментариев, которые от десятилетия к десятилетию становятся всё более и более убедительными и точными. Именно в этой сфере, несмотря на порой неизбежные разночтения, можно говорить о значительном прогрессе филологической науки. Собственно, это и неудивительно, поскольку из трёх выделенных исследовательских гуманитарных стратегий как раз анализ (иными словами, внешнее объекту изучения «объяснение») ближе всего к установкам так называемых наук о природе (В. Дильтей) с их декларируемой «объективностью» (установкой на бессубъектность). Именно поэтому, как и в «науках о природе», декларируется «воспроизводимость результата», исследовательская установка на достижение которой — в этом случае — как бы гарантирует от субъективистских искажений своего предмета. Как раз в этой сфере были наиболее популярны (и дольше всего продержались) аксиомы о неизбежности «научного прогресса». Примерами подобной установки могут служить, например, энциклопедические статьи, посвящённые тому или иному писателю. Но эти «объяснения», претендующие на знание некой «объективной» истины, фактически оказываются интерпретациями, что становится особенно очевидным с течением времени, когда изменяются исходные принципы подхода к литературному процессу.

Те или иные интерпретации художественных произведений неотделимы от исторически изменчивых и порой резко расходящихся — методологически, культурно, политически, эстетически — установок самих истолкователей текста. Доминантный для современного литературоведения «дрейф» (Р. Барт) самого интерпретатора по тексту порой приводит к неожиданным результатам, однако возобладавшая у поклонников этого «дрейфа» установка на отказ от поиска

«истинности», будто бы непременно свидетельствующая об авторитарности сознания тех, кого интересует и «истинность», и сама истина, зачастую выводит исследователей за пределы той совокупности адекватных прочтений, которые и определяются понятием «спектра адекватности»: совокупности адекватных авторской интенции, но всё-таки различающихся между собой интерпретаций. Зачастую интерпретации произведения подвергается тогда, когда не всё оно, но только какой-то из его аспектов особо интересует учёного.

Наконец, третий вариант исследовательского «освоения» произведений литературы представляет собой, как уже сформулировано выше, то или иное его личностное понимание, так или иначе входящее в «спектр адекватности». Оно предполагает не одну-единственную «правильную» точечную коммуникацию, а именно «спектр» различных, не совпадающих друг с другом, однако, как представляется, в равной мере адекватных художественным интенциям того или иного писателя актов понимания. От постмодернистской «множественности» спектр адекватности отличается признанием границ, пределов адекватных прочтений.

«Диалог согласия» и «спектр адекватности» при истолковании художественного произведения

Автор *предопределяет* направление читательских рецепций самим построением своего художественного текста, но отнюдь не входит в каждый отклик читателя (сознание которого является частью того или иного художественного мира), предоставляя читателю некую духовную свободу выбора, в пределах которой тот волен принимать решения по своему усмотрению. Границы спектра адекватности зависят как от особенностей конструкции текста, так и от того *типа культуры*, которая является «родной» для его автора.

М.М. Бахтин подчёркивал: «Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами» [7, с. 364]. Однако это соотнесение, как и само *понимание*, может основываться на весьма различных принципах. В зависимости от выбора исследователем *типа* контекста *понимание* может быть принципиально различным. Проблема филологического понимания не решается ни заклинательными апелляциями к целостности своего предмета (художественного произведения), ни признанием роли контекста, ни даже указанием на решающее значение *границ* между текстом и контекстом. Необходимо исследовательская *рефлексия* по поводу того или иного «соотнесения», *актуализирующая* какие-либо контексты понимания.

Любое «прочтение» художественного текста исследователем может рассматриваться не только как изучение «безгласной вещи» в пределах той или иной абстрактно-научной системы, что предполагается *etic*-подходом (о нём — ниже), а как более или менее удачное погружение толкователя в *могучие глубинные течения культуры*, которое высвечивает шлейфы смыслов, не сводимых к индивидуальной либо же «общенаучной» данности, но позволяющих расслышать и распознать в произведении как «эстетическом объекте» [7, с. 369] подспудно звучащий язык культурного «предания» — с его собственной системой ценностных координат.

Присоединяясь к той герменевтической установке, которая в отечественной гуманитарной мысли представлена именем цитируемого выше учёного, а в европейской — линией Хайдеггера-Гадамера, мы бы только хотели акцентировать внимание на одном важном в методологическом отношении моменте. Дело в том, что «предание» может быть как созвучным собственному типу культуры исследователя, так и, наоборот, вполне чуждым ему. Отсюда понятны требования индивидуальной «свободы»

Рис. 1. Уровни литературного произведения

познающего от авторитета предания: зачастую за ними можно заметить не всегда рефлекслируемое исследователем столкновение родной ему (его системе ценностей) традиции (со свойственными ей «предрассудками», «нравами» и «этическими установками») с тем «преданием», которое является стихией существования изучаемого исследователем гуманитарного предмета (например, художественного произведения).

Так или иначе, «беспредпосылочная наука» (наука, свободная от культурных контекстов понимания) в гуманитарной сфере немислима. Современное исследование, с этой точки зрения, является не только собственно «исследованием» тех или иных фактов как объектов изучения, но и *опосредованием предания*, «к которому мы причастны» [8, с. 338]. Как нам представляется, актуализация «предания» в качестве необходимого контекста понимания в гуманитарных науках¹ невозможна без исследовательской рефлексии по поводу *типа* культурной традиции с авторитетной для этой традиции архетипической системой ценностей.

В схематичном виде вышеприведённые рассуждения можно представить

в двух проекциях, когда интересующий нас предмет — литературное произведение — в трёх его «аспектах» (или «слоях»): текста, мира и «диалога согласия», соотнесён с тремя рецептивными установками: анализом, интерпретациями и пониманием². Следует иметь в виду, что в данном случае мы исходим именно из особенностей рецепции (т.е. подходим к реальности произведения со стороны читателя/исследователя), но не со стороны создателя его текста — автора (рис. 1).

Если тот же самый предмет рассмотреть в иной проекции (рис. 2), где точки на окружности являются сознаниями читателей-реципиентов, а радиусы — различными интерпретациями текста, то желаемый итог *понимания* — это радиусы внутри спектра адекватности (но не провозглашаемое как цель *анализа* совпадение читательской установки с авторским сознанием S1. При его возможном осуществлении уничтожается личность реципиента, который, реализуйся полностью такая цель, становился бы только лишь «клоном» изучаемого автора).

Личностное понимание невозможно без того или иного аксиологического созвучия толкователя и системы ценностей

¹ Напомним, что основная задача исторической поэтики, как её формулировал А.Н. Веселовский, состоит в том, чтобы «...определить роль и границы предания в процессе личного творчества» [9, с. 493].

² Историческая логика осмысления этих аспектов или слоев произведения в науке о литературе тезисно представлена нами здесь: [5, с. 3–16].

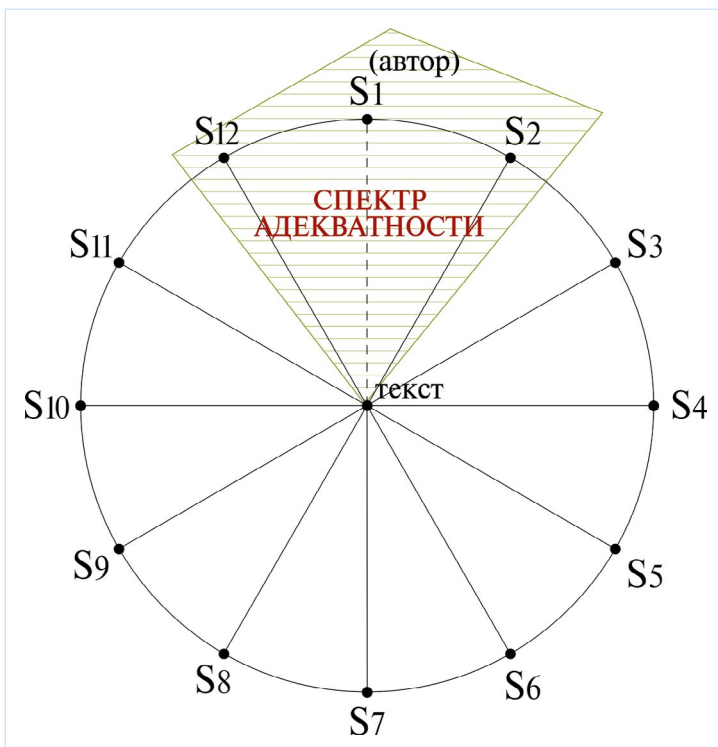

Рис. 2. Текст, читательские рецензии и «спектр адекватности»

писателя, которые в русской традиции неотделимы от христианской (а именно: православной) культурной «грибницы», а потому авторские интенции будут искажены, если эта система ценностей в сознании исследователя имеет по каким-то причинам отрицательные коннотации.

Новые категории русской филологии в изучении Достоевского

Гуманитарное личностное понимание как методологическая установка в изучении наследия русской литературы требует таких категорий описания своего предмета, которые либо относительно недавно появились в нашей филологии, либо же оказались на долгие десятилетия выведены из активного словоупотребления, поскольку имеют междисциплинарный, а не чисто литературоведческий статус: это соборность, пасхальность, христо-

центризм, умиление и др. Однако их междисциплинарность особого рода. Они характеризуют не любые художественные системы, а такие, которые вырастают из православной «грибницы» русской культуры. И обращение к ним необходимо при изучении творчества писателей как в «большом времени» русской и европейской культуры, так и в «малом времени» литературного процесса конкретного периода.

Если рассмотреть обозначенные нами познавательные акты в изучении Достоевского, то можно выделить как общие «генерализирующие» тенденции в исследовании его наследия (наиболее влиятельной, несмотря на неоднократно проводимые «ревизии», по-видимому, продолжает оставаться бахтинская концепция поэтики Достоевского), так и практически необозримые в количественном отношении интерпретации Достоевского¹. Для современного состояния исследований в данной области характерно также и то, что, в отличие от продолжения «бахтинского бума» в гуманитарных науках, учёные, занимающиеся преимущественно именно Достоевским, в последние десятилетия с всё большим скептицизмом воспринимают как раз бахтинскую научную систему [11]². Однако разрыв между конкретными эмпирическими исследованиями и общетеоретическими концепциями, где наследие Достоевского — только лишь внешний «материал», — несомненная данность современной русистики (всё более и более уступающей своё место тем или иным «культурологическим» штудиям, с их чрезвычайно вольным обращением с собственно литературным материалом).

¹ См. квалифицированный обзор наиболее репрезентативных последних научных публикаций [10].

² Нельзя не заметить при этом, что отнесение автором обзора к etic-подходу концептуальных установок Бахтина — с его пафосом персонификации предмета научных занятий и тем самым преодоления его возможного «овеществления» — может восприниматься не иначе, как курьёз.

Emic- и etic- подходы

В конечном итоге, почти необозримые в количественном плане работы о Достоевском тяготеют к двум полюсам, их можно определить как emic- и etic- подходы. Эти термины, выдвинутые К.Л. Пайком по аналогии с фонетикой и фонемикой [12], были затем поддержаны и разработаны Г. Триандесом [13]. Формулируя предельно кратко и потому несколько упрощённо, можно разницу между ними передать следующим образом: если фонетика связана с изучением общих аспектов звуков и произнесения звуков, то фонемика — это изучение звуков, используемых в определённом языке.

При emic-подходе делается попытка рассмотреть явления и их взаимосвязь (структуру) глазами людей, которые относятся к данной культуре. Эта точка зрения берёт начало из культурной антропологии, где с помощью метода включённого наблюдения исследователь пытается рассматривать нормы, ценности, мотивы и обычаи членов определённой общности с их собственной точки зрения.

Исследователи, придерживающиеся emic-подхода, справедливо утверждают, что ранее в гуманитарных дисциплинах почти всецело господствовал etic-подход, который основывался на некритическом проецировании западных гуманитарных установок на внеположный Западу «мир большинства», как они его называют [14]. Таким образом, исследователь той или иной культуры работал на самом деле не с ценностями изучаемой культуры, а с «навязанными этиками» или «псевдоэтиками» (подробнее см. [4, с. 26–29]).

Творчество Достоевского при etic-подходе, будь он марксистский, структуралистский или фрейдистский, является лишь иллюстрацией действия более общих «закономерностей» (излюбленное слово для представителей «объяснительного» etic-подхода). Но проблема состоит в том, что при этом наш предмет

овнешняется, превращается в бездушную и безгласную «вещь» [7, с. 363–373]. Теряется грань между гуманитарной и негуманитарной (естественно-научной) методологическими установками. Кроме того, собственное, уникальное, эстетическое бытие уникального феномена далеко не сводится к иллюстрации каких бы то ни было «общих закономерностей», хотя и может — внешним образом — «подтверждать» некоторые из них.

По-своему типичным примером для современных западных установок в анализе произведений русской литературы является работа Ж. Нива, в которой характерным образом соединяются два варианта etic-подхода: социологический и фрейдистский. В результате «вина» за преступление «петербургских» героев Достоевского, например, как бы переносится на имперский Петербург, этот «прокажённый город» [15]. Обращаясь к «Преступлению и Наказанию», Нива доказывает, что именно имперский Петербург «раздавил Мармеладова, свёл с ума Екатерину Ивановну, Петербург нашёптывает Раскольникову страшный замысел, именно Петербург (и «неправильная» императорская Россия) приводит Свидригайлова к самоубийству» [15, с. 63–68]. Наряду с современным социологическим «развитием» пресловутого «среда заела», вполне укладывающимся в преобладающее ныне отношение к России как таковой, Нива предлагает и иной вариант «овнешняющего» объяснения романа, при котором Пульхерия Александровна Раскольникова — мать пожирающая, мать «кастрирующая». Единственная её, весьма низкая, цель — это привязать навсегда к себе сына (подробнее см. [17]).

Доминантный для современного литературоведения «дрейф» по творчеству Достоевского порой приводит к результатам, выводящим исследование за пределы спектра адекватных его толкований. При этом безразлично, утверждает ли исследователь своё отталкивание от христианских основ творчества

Достоевского или, напротив того, декларирует приверженность им (например, когда стакан пива и кусок сухаря, которые упоминаются в начале романа в эпизоде в распивочной, сопоставляются с причастием [18].

Методологически отчётливо условия личностного *понимания* (или «диалога согласия» между автором и читателем) были обоснованы в нашем литературоведении М.М. Бахтиным не только в его чисто достоеведческих штудиях — «Проблемах поэтики Достоевского», но и в ряде теоретических работ, группирующихся вокруг бахтинской «эстетики словесного творчества». Однако бахтинские эпигоны — как отечественные, так и западные — вульгаризировали и редуцировали его теорию. Да и сам Бахтин в условиях советской несвободы не мог, как он сам признавался в разговорах с С.Г. Бочаровым, «свободно высказываться о главном». Бахтин был глубоко убеждён в том, что в книге о Достоевском «оторвал форму от главного... Прямо не мог говорить о главных вопросах... Философских, о том, чем мучился Достоевский всю жизнь — существованием Божиим. <...> приходилось всё время вилять — туда и обратно. Приходилось за руку себя держать. Даже Церковь оговаривал» [19].

Сегодня кажется уже очевидным, что, изучая наследие Достоевского, невозможно некритически (или, сформулируем по-другому, наивно апологетически) воспринимать бахтинские идеи. В последние десятилетия в достоеведении ведётся продуктивная полемика с Бахтиным [20]. При этом далеко не всегда учитывается, что Бахтин хотя сам и особо подчеркнул, что «впервые основную структурную особенность художественного мира Достоевского нащупал Вячеслав Иванов» [21, с. 14], однако не смог воспользоваться ивановским определением полифонического мышления Достоевского как мышления соборного. В итоге центральная категория

эстетических построений Вяч. Иванова — соборность — на долгие десятилетия незаслуженно оставалась вне внимания достоеведов.

Представляется научно корректным и продуктивным восстановить в достоеведении те фигуры умолчания, те положения, которые и хотел бы, но не мог высказать в своё время Бахтин. Подчеркнём, что подобная работа в современной русской филологии уже ведётся в последние десятилетия. Нельзя не заметить, что целый ряд исследователей пытался восполнить те «зияния», о которых горестно говорил Бахтин, притом не только в отечественной науке, но и в зарубежном достоеведении. Н. Перлина доказывала, что, вопреки своей полифоничности, «Братья Карамазовы» содержат строгую иерархию ценностей, где привилегированное место занимает Священное Писание [22]. М. Джоунс в книге «Достоевский после Бахтина» совершенно справедливо, хотя и, на наш взгляд, недостаточно последовательно пытается дифференцировать бахтинское понятие «карнавала», говоря, вслед за М. Турнье, о «белом карнавале». Он отмечает, что Христос своей вестью бросает вызов «официальному миру» [23]. Д. Томпсон, исследуя «Братьев Карамазовых», убедительно доказывала, что память о Христе является доминантой всего романа [24]. Разумеется, подобные примеры «восполнения» бахтинского умолчания в научной литературе можно было бы продолжать, но достаточно и этих. Обратим внимание, однако, на то, что углубление в христианскую проблематику всё-таки далеко не всегда приводит к осознанию необходимости корректировки существующей системы литературоведческих категорий. Внести свой вклад в эту корректировку, сделать филологический инструментарий, обращённый к Достоевскому, более созвучным онтологическим и аксиологическим ценностям самого писателя — актуальная проблема современной филологии.

Заключение

Таким образом, как бы ни отличались между собой по своей сути анализ, интерпретации и понимание наследия Достоевского, в каждой из этих методологических установок в той или иной степени следует учитывать

необходимость аксиологического созвучия сознания исследователя доминантным установкам самого писателя. В противном случае произведения автора подвергаются опасности искажения — вплоть до подмены предмета каким-либо симулякром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
2. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972.
3. Есаулов И.А. Интерпретация // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 305–306.
4. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. 3-е изд. СПб.: РХГА, 2017.
5. Есаулов И.А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя). М.: РГГУ, 1995.
6. Есаулов И.А. Постсоветские мифологии: структуры повседневности. М.: Академика, 2015.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.
9. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940.
10. Борисова В.В., Шаулов С.С. Достоевский на рубеже XX–XXI веков: антиномии интерпретации // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 5–47.
11. Кибальник С.А. Основные тенденции изучения творчества Достоевского // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 67–83.
12. Pike K.L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. The Hague, 1967.
13. Triandis H.C. Introduction to Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston, 1980. Vol. 1: Perspectives.
14. Kagitcibasi C. Family, Self and Human Development Across Cultures: Theory and Applications. New York, 2007.
15. Nivat G. Vers la fin du mythe russe: Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours. Lausanne, 1982.
16. Ганошенко М.Е. Рецепция русской классической литературы в современных франкоязычных изданиях // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М.: Индрик, 2017. С. 459–487.
17. Касаткина Т.А. Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников) // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 11. СПб., 1994. С. 81–88.
18. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.
19. Захаров В.Н. Имя автора — Достоевский. М.: Индрик, 2013.
20. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.
21. Perlina N. Varieties of poetic utterance: Quotation in «The Brothers Karamazov». Lanham, New York, London, 1985.
22. Jones M.V. Dostoevsky after Bakhtin: Reading in Dostoevsky's Fantastic Realism. Cambridge, 1990.
23. Thompson D.O. The Brothers Karamazov and the Poetics of Memory. Cambridge, 1991.

ENGLISH

Analysis, interpretation and understanding as methodological approaches in the research on Dostoyevsky heritage

Ivan A. Esaulov – Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of Russian Classical Literature and Slavic Studies, The Maxim Gorky Literature Institute, head of the project “Analysis, Interpretation and Understanding as Methodological Approaches in the Research on Dostoyevsky Heritage” (18-012-90043).

E-mail: jesaulov@yandex.ru

The article presents the main conceptual provisions developed as a result of work on the RFBR project (No. 18-012-90043). The central task of the project was the methodological differentiation of analysis, interpretation, and understanding in order to overcome the chaos that has been following Dostoyevsky's name for so many years. Until now, the polyphony in the readings of Dostoyevsky's works accumulated over one and a half centuries, their consideration in various contexts (from philosophical and aesthetic to sociological and political), and the comprehension of his heritage in general have not been related to the three research approaches, whose differences were identified with the full methodological precision in the world humanitarian thought at the end of the 19th and beginning of the 20th century. Analysis, interpretation, and understanding are absolutely necessary, without which any adequate study of Dostoyevsky is impossible. However, these are fundamentally different approaches that actualize various vectors of a researcher's attention, which is nearly completely ignored in the modern research literature on Dostoyevsky. In the study of Dostoyevsky's works, there is a gap between general conceptual constructions and private research. The differentiation of methodological attitudes proposed in the article contributes to bridging this gap.

Keywords: analysis, interpretation, understanding, Dostoyevsky, methodological approaches, reduction, ideological tendencies, axiology

REFERENCES

1. Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta*. Moscow: Iskusstvo, 1970 (in Russian).
2. Lotman Yu.M. *Analiz poeticheskogo teksta*. Leningrad: Prosveshchenie, 1972 (in Russian).
3. Esaulov I.A. *Interpretaciya // Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij*. Moscow, 2001. S. 305–306 (in Russian).
4. Esaulov I.A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie*. 3-e izd. St. Petersburg: RKHGA, 2017 (in Russian).
5. Esaulov I.A. *Spektr adekvatnosti v istolkovanii literaturnogo proizvedeniya* (“Mirgorod” N.V. Gogolya). Moscow: RGGU, 1995 (in Russian).
6. Esaulov I.A. *Postsovetskie mifologii: struktury povsednevnosti*. Moscow: Akademika, 2015. 608 s. (in Russian).
7. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow: Iskusstvo, 1979 (in Russian).
8. Gadamer KH.-G. *Istina i metod*. Moscow: Progress, 1988 (in Russian).
9. Veselovskij A.N. *Istoricheskaya poetika*. Leningrad: Goslitizdat, 1940 (in Russian).

10. Borisova V.V., Shaulov S.S. Dostoevskij na rubezhe XX–XXI vekov: antinomii interpretacii // Neizvestnyj Dostoevskij. 2020. № 4. S. 5–47 (in Russian).
11. Kibal'nik S.A. Osnovnye tendencii izucheniya tvorchestva Dostoevskogo // Izvestiya RAN. Ser. literatury i yazyka. 2020. T. 79. № 4. S. 67–83 (in Russian).
12. Pike K.L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. The Hague, 1967.
13. Triandis H.C. Introduction to Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston, 1980. Vol. 1: Perspectives.
14. Kagitcibasi C. Family, Self and Human Development Across Cultures: Theory and Applications. New York, 2007.
15. Nivat G. Vers la fin du mythe russe: Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours. Lausanne, 1982.
16. Ganoshenko M.E. Recepciya russkoj klassicheskoj literatury v sovremennykh frankoazychnykh izdaniyakh // Russkaya klassicheskaya literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste. Moscow: Indrik, 2017. S. 459–487 (in Russian).
17. Kasatkina T.A. Kategoriya prostranstva v vospriyatii lichnosti tragicheskoy miroorientacii (Raskol'nikov) // Dostoevskij: Materialy i issledovaniya. T. 11. St. Petersburg, 1994. S. 81–88 (in Russian).
18. Bocharov S.G. Ob odnom razgovore i vokrug nego // Novoe literaturnoe obozrenie. 1993. № 2. S. 70–89 (in Russian).
19. Zakharov V.N. Imya avtora – Dostoevskij. Moscow: Indrik, 2013 (in Russian).
20. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo. Moscow: Khudozh. lit., 1972 (in Russian).
21. Perlina N. Varieties of poetic utterance: Quotation in «The Brothers Karamazov». Lanham, New York, London, 1985.
22. Jones M.V. Dostoevsky after Bakhtin: Reading in Dostoevsky's Fantastic Realism. Cambridge, 1990.
23. Thompson D.O. The Brothers Karamazov and the Poetics of Memory. Cambridge, 1991.